

После того случая жизнь семейства Чжэн вернулась в привычную колею. Дни пролетали один за другим, и вот уже незаметно подкралась середина июля.

Чжэн Чэнвэню всё чаще казалось, что родители внезапно с головой ушли в дела. Матушка целыми днями почти не выходила из своей мастерской.

«Неужели она взялась за какой-то срочный заказ?» — гадал он.

Раньше она никогда так не усердствовала, обычно делала лишь по несколько стежков в свободное время. От скуки Вэнь-эр несколько раз тайком заглядывал к ней. Он видел, что мама либо сосредоточенно работает над небольшими пяльцами, вышивая платки, либо сидит за большим станком, на котором натянута полотно гораздо крупнее обычного.

Заинтригованный, он несколько дней кряду наблюдал за ней через окно. Наконец ему удалось рассмотреть рисунок на станке — это была декоративная вышивка: котята, играющие с бабочками. Пока что матушка успела прорисовать шелком лишь пушистую голову одного из них.

Прошпионив так еще пару дней, Чжэн Чэнвэнь не выдержал и решил вмешаться. Ху Баочжу уже совсем вымоталась от напряжения — нельзя было позволять ей и дальше так изводить себя!

— Матушка, я вхожу! — звонко предупредил он еще у дверей флигеля и, не дожидаясь ответа, засеменил внутрь.

Ху Баочжу не отложила иголку, лишь мельком отозвалась:

— Заходи, заходи. Только будь умницей, Вэнь-эр, не балуй. Ничего не трогай и уж тем более не вздумай рвать нитки...

С того памятного дня, когда они так бурно повздорили (и помирились) с супругом, у неё на душе стало удивительно легко. Теперь ей было уже не столь важно, удастся ли зачать двойню, как предсказал сын, — она просто наслаждалась моментом.

Отдохнув несколько дней, она вспомнила, что в восьмом месяце мужу предстоят осенние императорские экзамены. Нужно было раздобыть денег на дорогу и расходы, поэтому она поспешила в вышивальную лавку и набрала заказов. Сейчас она всюду трудилась над картиной «Маоде».

— Не волнуйся, мам, я только посмотрю, — послушно ответил Чжэн Чэнвэнь.

Он ведь не настоящий ребенок, чтобы портить плоды столь кропотливого труда. К слову сказать, с момента своего «пробуждения» прошел уже год, а он толком и не видел работ

матушки. Стоило родителям запереться в кабинете или мастерской, как он (мысленно) клялся не мешать им. А если стоять над душой, они наверняка будут отвлекаться.

Заметив, что мать лишь коротко угукнула, продолжая быстро орудовать иглой, Чжэн Чэнвэнь тихонько вздохнул. «Сначала оценю масштаб работ, а потом придумаю, как её уговорить отдохнуть», — решил он.

Подойдя к столу, где лежала стопка готовых изделий, он осторожно начал перебирать расшитые платки. В основном на них красовались котята, щенки, цыплята и птенцы.

«Боже... до чего же мило!»

У матушки, оказывается, была тяга к самому настоящему «мимими». И платки, и большие картины — всё было пропитано каким-то детским восторгом. Почти все платки были размером в один чи, и на каждом красовались крошечные зверушки: самые крупные — с ладонь, а мелкие — не больше большого пальца.

Каждое существо было вышито с такой филигранной точностью, что казалось живым. Тональность рисунков была мягкой, а пушистая шерстка зверят выглядела настолько натурально, что её хотелось погладить. В этих работах сквозило такое чистое, искреннее изящество, что Чжэн Чэнвэнь невольно залюбовался.

Матушка была настоящим мастером. Она умудрялась передать самую суть «очарования». Сердце взрослого мужика, запертого в теле ребенка, просто таяло от этого зрелища.

«Этот котик, развалившийся на спине, — просто чудо! А этот песик, чешущий за ухом? А здесь... котёнок придавил лапой щенка? Ох, какая прелесть...»

Чем дальше он смотрел, тем больше расплывался в умилённой улыбке. В какой-то момент Чжэн Чэнвэнь совершенно забыл, зачем пришёл. Подперев щеки ладонями, он переводил взгляд с одного платка на другой, тихо охал и светился от восторга.

— Вэнь-эр, что ты там нашел такого интересного? — послышался голос матери.

Ху Баочжу помахала ладонью перед лицом сына. Она ещё во время работы услышала его глупое хихиканье и восторженные вздохи. Хоть звуки были тихими, они мешали ей сосредоточиться. Отложив иглу, она подошла к нему.

— Тебе так нравятся эти платки? — улыбнулась она. — Только вот их нужно отдать в лавку на продажу, я не могу их оставить тебе. Но если хочешь, я вышию один специально для тебя, какой выберешь?

Чжэн Чэнвэнь немного смутился. Всё-таки он взрослый человек, а ведет себя как дитя над

картинками. К тому же вышивание — труд изнурительный, не стоит лишний раз нагружать мать.

— Спасибо, мам, не надо, — ответил он. — Это же так тяжело. Мне и просто посмотреть хватит.

Ху Баочжу была тронута такой заботой.

— Вовсе не тяжело, на один платок уходит совсем немного сил. Раз уж тебе так приглянулось, я обязательно выкрою время.

Раньше Вэнь-эр не проявлял интереса к её рукоделию, а сегодня прямо-таки загорелся. Ради сына она была готова работать даже через силу.

— Но у тебя же глаза совсем красные! — Чжэн Чэнвэнь чувствовал укол совести. Он ведь пришел, чтобы отговорить её от тяжелого труда, а в итоге едва не напросился на обновку.

—... — Ху Баочжу невольно коснулась век. Неужели так заметно? Даже ребенок разглядел.

«Плохо дело. Если Чжэн Цзиань заметит, он снова отберет у меня шкатулку с иголками». Она старалась работать только днем, пока муж был занят учебой или встречами с друзьями.

— Мой Вэнь-эр такой заботливый, — нежно произнесла она, погладив сына по голове. — Обещаю: как только закончу эту картину с котами и бабочками, сразу возьму перерыв. Только... чур, отцу ни слова, хорошо?

Сердце Чжэн Чэнвэня наполнилось теплом. Раз уж матушка пошла на сделку, он не станет доносить, но и за её отдыхом проследит.

— Ладно, папе не скажу. Но давай поклянемся на мизинчиках, что ты больше не будешь работать до красных глаз! Кстати, а где отец? Почему он в последнее время уходит на рассвете, а возвращается только к ночи?

Он действительно беспокоился. Папа возвращался домой осунувшимся и усталым.

— Договорились, на мизинчиках, — Ху Баочжу скрепила их уговор. — А отец... он сейчас ходит на занятия в уездную школу уезда Сунси.

«А, так он грызет гранит науки», — понял Чжэн Чэнвэнь. Видимо, сроки поджимают, раз отец так засуетился перед экзаменами. Он искренне посочувствовал родителю: столько лет, а всё тесты да проверки. Слава богу, у него самого есть «Золотой палец», и можно спокойно наслаждаться жизнью ленивой «соленой рыбы».

— Вэнь-эр у нас такой рассудительный, маме очень радостно. Вот пройдут экзамены, и я отвезу тебя в деревню к дедушке и бабушке, хочешь? Помнишь, там осталось много твоих друзей, с которыми ты раньше играл?

Ху Баочжу вздохнула. Её сын был гораздо послушнее и спокойнее сверстников. Но нельзя потакать этой взрослости и лишать ребенка детства. В последнее время они с мужем были слишком заняты собой, совсем забросив мальчика. Раз уж городские дети ему не по нутру, пусть хоть в деревне на воле побегает.

Чжэн Чэнвэнь внутренне содрогнулся. «Нет, спасибо, я очень стараюсь НЕ помнить, как мы с этими «друзьями» ковырялись в грязи и строили куличики из сомнительных субстанций!»

Но вслух пришлось изобразить неописуемый восторг:

— Ура! Я так соскучился по дедушке и бабушке! Обещаешь, что поедем? Давай на мизинчиках!

— Конечно, поедем, — Ху Баочжу снова сцепила пальцы с сыном. Глядя на его сияющее лицо, она и сама не смогла сдержать улыбки. Ей казалось, что сын и впрямь всем сердцем рвется к деревенским товарищам.

<http://bllate.org/book/17410/1653323>